

История и право

Эволюция признаков внутренней (субъективной) стороны состава имущественных преступлений в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв.

¹ Марина Геннадьевна Князькова

² Нелли Григорьевна Макаренко

¹ Сочинский государственный университет, Россия

354003, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат юридических наук

E-mail: margoshaum@mail.ru

² Сочинский государственный университет, Россия

354003, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Ст. преподаватель

E-mail: granelli@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция особенностей признаков внутренней (субъективной) стороны состава имущественных преступлений в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв.

Ключевые слова: внутренняя (субъективная) сторона состава преступления, умышленная виновность, прямой умысел, непрямой умысел, внезапно возникший умысел, состояние умопомешательства, рецидив.

УДК 343

Понимание учеными состава преступления в период XVIII – начала XX вв. значительно отличалось от современного. Четырехэлементная структура состава преступления не была традиционной для рассматриваемого периода и имела иную форму по причине отсутствия четкой единой структуры состава. Ряд авторов выделяли внутреннюю, личную сторону преступления, под которой подразумевалась совокупность субъекта и субъективной стороны преступления, другие исследователи их разделяли, и внешнюю сторону, под которой понималась объективная сторона. Об этом обоснованно рассуждали Н.С. Таганцев [1], В.А. Гольцев [2], Н.Д. Сергеевский [3], Л.Е. Владимиров [4], В.В. Есипов [5], В.Д. Спасович [6], в то время как объект мог некоторыми исследователями совсем не выделяться как самостоятельный элемент состава, или же понятия предмета и объекта не различались.

К одним из признаков внутренней (субъективной) стороны состава преступления, как в рассматриваемый период, так и в современном развитии учения о составе преступления относится *умысел*. Уголовное уложение 1903 г. в ст. 48 определяло следующим образом понятие умышленной виновности: преступное деяние почитается умышленным, не только когда виновный желал его учинения, но также когда он сознательно допускал наступление обусловливающего преступность сего деяния последствия [7].

По поводу этого определения в комментарии было указано: понятие умысла или вины умышленной определяется двумя признаками – сознанием совершаемого и направлением воли, хотением. «Хотение» составляет главный момент этого вида виновности, так как желать или даже и допускать что-либо возможно только при сознании желаемого. Подобного воззрения на сущность умышленной вины придерживалось еще и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В некоторых случаях лицо, которое является вменяемым при совершении преступления, могло быть признано невиновным. Лицо могло, совершая определенные действия, не сознавать их преступного характера, а иногда и действовать под влиянием непреодолимой силы. Тем не менее не всегда подобная случайность или неосторожность освобождала от наказания и, следовательно, существовала преступная неосторожность.

Таганцев Н.С. утверждал, что все действия человека подчинены определенным субъективным причинам – «все действия человека, с коими имеет дело уголовное право, не произвольны, а подчинены общему закону причинности, в силу чего и становится возможной рациональная теория наказания как специального вида борьбы общества с преступлением» [8].

Умышленная виновность предполагала не только сознание лица себя виновным, что оно посягает на «правоохраненный» интерес, но и желание наступления определенных последствий или, по крайней мере, безразличное отношение к их наступлению.

Если эти условия отсутствовали, а действие, тем не менее, относилось к числу вменяемых, речь шла о неосторожной вине. Таким образом, неосторожная вина в теории уголовного права XIX века служила «дополнением» вины умышленной и могла быть двух видов: 1) когда у действующего было сознание совершаемого, но не было «хотения» – преступная самонадеянность и 2) когда отсутствовало самое сознание – преступная небрежность, что сохранилось в науке и в наше время.

В первом случае действующее лицо сознавало, что последствием его деятельности могло быть посягательство на «правоохраненный» интерес, например, от производимого им химического опыта мог произойти взрыв здания, но оно не относилось безразлично к этим последствиям, не допускало их, а, наоборот, предполагало, что благодаря предпринятым им мерам предосторожности, преступные последствия не наступят.

Во втором случае действующее лицо не сознавало, что оно «учиняет преступное деяние», хотя и могло это предвидеть при надлежащей внимательности.

И если в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не давалось точного определения неосторожности, а указывалось только на элементы этого понятия, то в Уголовном уложении 1903 г. закреплялось, что «преступное деяние почитается неосторожным, когда виновный, во-первых, не предвидел оно, хотя мог или должен был предвидеть, или, во-вторых, когда он предвидел наступление обуславливающего преступность сего деяния последствия, но полагал предотвратить таковое».

К этому понятию комментарий добавлял следующее: «Подобно тому, как главным типом умышленной виновности является умысел прямой, так важнейшей формой вины неосторожной является преступная беспечность или небрежность, сформулированная в п. 1 ч. 2 С. 48 как такое преступное деяние, виновник которого не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть» [9].

В целом, криминалисты XIX века рассуждали также о наличии случайности, однако по очевидным причинам это не могло относиться к имущественным преступлениям.

Артикул Воинский при общем наличии понятия случайности не определял случайность при имущественных преступлениях, тогда как Уложение о наказаниях 1845 г. не устанавливало наказаний за случайные проступки.

Законодатель и исследователи в XIX веке различали прямой и непрямой умысел в имущественных преступлениях. Например, действия, направленные на тайное хищение чужого имущества, однозначно характеризовались во все времена как прямой умысел. В свою очередь, если лицо хотело усыпить хозяина квартиры с целью ограбления, а хозяин умер от выпитого им напитка по причине больного сердца, здесь имел место прямой умысел в отношении воровства, но не убийства.

Определение неосторожности, при которой лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности, выделялось Н.С. Таганцевым в двух аспектах: во-первых, преступная самонадеянность, когда у действующего лица «было сознание совершенного, но не было хотения», во-вторых, «преступная небрежность, когда отсутствовало самосознание» [10].

Лицо могло быть освобождено от наказания, если деяние, им совершенное, было вынужденным преступлением, например, подделка векселя, если об этом вовремя было заявлено в соответствующие компетентные органы.

Уголовное право имперского периода определяло обдуманное заранее, тщательно взвешенное посягательство и внезапно возникший умысел. Заранее обдуманные действия являлись признаком «злой воли», которая наказывалась более жестко.

Российские криминалисты А.П. Чебышев-Дмитриев и И.Я. Фойницкий [11] придавали большое значение средствам и способам совершения преступного деяния. По общему правилу средства, использовавшиеся при совершении преступления, не имели принципиального значения для законодателя и суда. Однако на практике иногда способ совершения преступления являлся отягчающим вину обстоятельством: например, лицо, совершившее поджог порохового магазина, совершало более тяжкое преступление, чем обыкновенный поджигатель, поскольку от взрыва пороха могло пострадать множество людей и большое количество имущества.

Вопрос о субъективной стороне преступления в законодательстве XVIII века, по мнению В.Н. Латкина, решался так же неудачно, как и в Соборном Уложении 1649 г. Общим правилом, например, по Артикулу Воинскому 1715 г. являлось применение одинакового наказания как к главным виновникам, так и к пособникам преступника и к лицам, «прикосновенным к преступлению» [12], в силу чего виновность каждого из них не находилась ни в каком соотношении с размером наказания. Данная позиция не является безосновательной и аргументируется тем, что именно Артикул Воинский 1715 г. устанавливал деяния случайные, неосторожные и умышленные, но им присваивались различные термины – небрежные, «винные» и неосторожные, а иногда невинные, ненарочные и невольные. Однако, несмотря на запутанность в терминологии, в Артикуле Воинском 1715 г. разделялись понятия случайного деяния и неосторожного. Случайное деяние не подлежало наказанию, о чем достаточно ясно определял артикул 159 гл. XIX [13], в то время как неосторожные преступления всегда подлежали наказанию в зависимости от степени неосторожности в соответствии с артикулом 158 [14].

Анализ Артикула Воинского 1715 г. приводит к выводу о том, что понятия неосторожного и умышленного деяния смешивались. Так, в толковании к артикулу 158 устанавливалось: «если кто кого с ненависти толкнет или что со злости на него бросит или учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то онный обыкновенной смертной казни подвержен».

В отношении умышленных деяний Артикул Воинский 1715 г., в отличие от Соборного Уложения 1649 г., определял «умышленные и предумышленные деяния» [16]; к предумышленным относились заранее задуманные преступления. «Подобные деяния как действия, в которых, согласно уставу, преступная воля достигает наибольшего напряжения, карается строже умышленного, где преступная воля имеет гораздо меньшее напряжение» [17].

К внутренним условиям, устраняющим или увеличивающим наказание, криминалисты XIX века в первую очередь относили состояние алкогольного опьянения.

Соборное Уложение 1649 г. в признаках объективной стороны преступления выделяло состояние опьянения в качестве смягчающего вину обстоятельства. В период петровских преобразований в Воинском Уставе 1715 г. сам факт опьянения устанавливался как деяние, подлежащее наказанию. И только по Уставу благочиния 1782 г. наказание за преступление, совершенное в состоянии опьянения, уменьшалось только в том случае, если оно было совершенно неумышленно. Так, в конце XVIII века законодателем проводилось различие между умышленным и неумышленным совершением преступления в состоянии опьянения. При умысле опьянение принималось в расчет как отягчающее обстоятельство, и преступник наказывался как трезвый, а во втором – опьянение играло роль обстоятельства, смягчающего вину.

В законодательных текстах рассматриваемого периода нет прямых упоминаний о традиционных формах вины (умысле и неосторожности), еще не было попыток закрепления «двойной формы вины», известной современному уголовному законодательству (ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации), но уже замечено особое влияние состояния опьянения на преступное поведение.

Помимо опьянения, уголовному праву имперского периода были определены и некоторые иные обстоятельства, влияющие на меру ответственности и зависящие от внутреннего состояния человека. Большая часть этих факторов была введена в оборот Артикулом Воинским 1715 г.

Следующей причиной смягчения ответственности или даже полного освобождения от нее можно назвать умопомешательство, при наличии которого «наказание обыкновенно умаляется или совсем отставляется».

На основании практики Правительствующего Сената можно сделать вывод о том, что в XVIII веке сумасшествие лишь смягчало наказание, но не освобождало от него полностью. Так, например, в решении Сената по делу Подлужского сказано следующее: «Хотя по его императорского величества указу надлежало бы учинить ему, яко изменнику и вору, смертную казнь, но понеже по виду признается он в уме помешателен, того ради смертной казни ему не чинить, а вместо того учинить наказание: бив его кнутом, сослать на галеры в вечную работу» [18].

Только лишь с 1801 г. в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии умопомешательства, было предписано освобождать их от суда и наказания, отдав на обследование «во врачебную управу», а в случае признания больными, помещать в дома для умалишенных [19].

В свою очередь, котягающим вину обстоятельствам следует отнести рецидив. «Возрастание» наказания, по сравнению с Соборным Уложением 1649 г., происходило более медленно. Так, например, за первую кражу полагалось (при условии, что цена украденного не более 20 руб.) – прогнать сквозь строй 6 раз, за вторую – 12 раз, за третью – отрезать нос и уши, сослать на каторгу и только за четвертую кражу полагалась смертная казнь [20].

Следующие в хронологическом порядке по времени законодательные акты – Проект уголовного уложения Елизаветинской комиссии 1754 г. [21] и указ от 3 апреля 1781 г. «О воровстве разных родов» [22] – вновь уменьшили усиление наказания при рецидиве. До указа от 21 июля 1726 г. «О наказании солдат и драгун за кражу вещей ценою не свыше 20 рублей» [23] понятие рецидива смешивалось со «стечением» (совокупностью) преступлений, и только лишь с изданием этого указа можно было говорить о рецидиве в истинном значении этого слова – как о совершении преступления после отбытия наказания за совершенное ранее преступление.

Так, например, данный указ определял, что воры, «которые ни от кого изобличены не были, почему за первые кражи наказания, от чего бы было им воздержаться, не было», предписывая карать таких воров так же, как и за первую кражу.

Усиление уголовной ответственности в соответствии с Проектом уголовного уложения Елизаветинской комиссии 1754 г. [24] предусматривалась также еще в трех случаях, что было заимствовано из Соборного Уложения 1649 г. [25] и практики: совершение преступления в церкви, на государевом дворе и в присутствии государя.

Внутренняя сторона имущественного преступления заключалась в корыстном намерении присвоить чужое имущество. Исследователи отмечали, что при анализе субъективной стороны деяния нужно различать два момента: во-первых, намерение произвести противозаконную перемену во внешнем мире и, во-вторых, мотив, ради которого совершалось преступление. Эти общие положения были применимы и к краже. Лицо, совершавшее кражу, руководствовалось преимущественно низкими намерениями, например, корыстью, но, с другой стороны, могло преследовать и иную цель, например, оказание помощи кому-либо, но все эти факторы являлись безразличными при анализе состава преступления. Здесь необходимо отметить только намерение присвоить чужую вещь.

Понимание о субъективной стороне представляло в рассматриваемый период, как и на современном этапе развития уголовно-правовой мысли, средство дифференциации уголовной ответственности. В уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв. предпринимались попытки по-новому разграничить психологические аспекты совершаемых преступных деяний. Итак, субъективная сторона состава преступления представляло собой изменяющиеся понятия, основными аспектами этой трансформации можно назвать: во-первых, усложнение элементов, во-вторых, внутреннее структурирование и, в-третьих, детализацию всех признаков субъективной стороны. Внутренняя (субъективная) сторона преступления с начала XVIII века и до начала XX века была существенно дополнена. В уголовно-правовых конструкциях рассматриваемого периода встречаются упоминание и об умысле, неосторожности, небрежности, включая умышленную виновность, прямой и непрямой, внезапно возникший умысел, состояние умопомешательства, рецидив и т.д., что свидетельствует о прогрессивном развитии норм уголовного права в целом и учения о составе преступления, субъективной стороне в частности. Как и на современном этапе развития уголовно-правовых норм, интеллектуально-волевые усилия и возможности лица, совершившего преступное деяние, учитывались в уголовном праве по двум основным направлениям: по психическому (внутреннему) отношению лица к совершаемому преступлению, а также по наступившим последствиям.

Примечания:

1. Таганцев Н.С. Учебник уголовного права. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1863.
2. Гольцев В.А. Уголовное права и уголовный суд. М.: Печ. Снегиревой, 1901.
3. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1910.
4. Владимирцов Л.Е. Учебник русского уголовного права / Л.Е. Владимирцов. Харьков: Университетская типография, 1889.
5. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Варшава: Типография Варшавского Учебного округа, 1894; Makarenko N.G. Property Crime in Russian Pre-revolutionary Legislation of XVIII – Early XX Centuries // European researcher. 2011. № 1 (3). P. 105–107.
6. Спасович В.Д. Учебник русского уголовного права. СПб.: Типография Огредко, 1863.

7. Евангулов Г.Г. Уголовное Уложение 1903 г. СПб.: Типография Слово, 1903. С. 48.
8. Таганцев Н.С. Учебник уголовного права. Указ. соч. С. 411.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 48.
10. Таганцев Н.С. Учебник уголовного права. Указ. соч. С. 683.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права часть особенная. Посягательства на личность и имущество. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1893. С. 10.
12. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб.: Типография СПб одиночной тюрьмы, 1912. С. 458.
13. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3004. Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715. Арт. 159.
14. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. – СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3004 Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715. Арт. 158.
15. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. – СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3004 Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715. Арт. 161, 162 гл. XIX..
16. Латкин В.Н. Указ. соч. С. 460.
17. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXI. Устав благочиния 1782 г. № 15379.
18. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб.: Типография СПб одиночной тюрьмы, 1912. С. 465.
19. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXVI.
20. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3004. Устав Воинский 1716. Артикул Воинский 1715. Арт.189, гл. XXI.
21. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. Т. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XIV. № 10283.
22. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. Т. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXI. № 15147.
23. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. Т. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 4941.
24. Полное Собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XIV, проект Елизаветинской комиссии 1754 г. № 10283.
25. Полное Собрание законов Российской империи, изд. I. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 1. № 1. Соборное Уложение 1649 г.

Evolution of Property Crimes in Criminal-Legal Doctrine and Law of the Russian Empire XVIII – beginning of the XX centuries

¹ Marina G. Knyaz'kova

² Nelli G. Makarenko

¹⁻² Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya st., Sochi, 354000

¹ PhD (legal)
E-mail: margoshaum@mail.ru

² Senior Lecturer
E-mail: granelli@rambler.ru

Abstract. The article deals with peculiarities of property crimes in the criminal-legal doctrine and law of the Russian Empire of the XVIII – beginning of the XX centuries.

Keywords: an inside look of the criminal components, deliberate guiltiness, direct intension, eventual recklessness, sudden intent, mental alienation, repeated commission.

UDC 343